

**ПАРАДОКСЫ МИФОЛОГИИ «ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА»
В РОССИИ**

Более века в исторической, общественно-политической и даже юридической литературе (не говоря уж о публицистике) находит своих благодарных читателей (и, разумеется, имеет своих писателей) миф о «правовом нигилизме» русского народа, неспособного, якобы, к осознанию ценности права и, соответственно, имманентно невосприимчивого к правовым идеям и равнодушного к исторической судьбе собственного государства.

Миф этот, в свою очередь, во многом питается еще одним, европоцентристским по своей сути и происхождению, мифом о существовании некоторого эталонного – «нормального» - правосознания, которое лежит в основе укоренившегося в ходе становления и развития западной цивилизации понимания права и соответствующих этому пониманию правовых идеалов западного общества. Последние тем самым выдаются за «общечеловеческие» ценности и «норму» для всех, в том числе и незападных, народов.

Можно заметить, что, в таком контексте, миф о «нигилизме» основан на *нигилистичном* отношении культурных агентов одной, вполне определенной цивилизации, к уникальности иных, локальных цивилизаций и самобытности их культурных ценностей. В случае несовпадения с «общепринятой нормой» эти «периферийные» ценности с позиций имперского «превосходства» объявляются «отсталыми», «неправильными», «ненормальными», «деформированными», «нуждающимися в воспитании и перевоспитании».

На наш взгляд, называть правосознание русского народа (как и любого другого целого народа, имеющего свои собственные государство и право, цивилизацию и культуру) правонигилистичным, «ненормальным» и т.п. – не допустимо. Подобные формулировки нелогичны и некорректны. Причем как с точки зрения юридического позитивизма, так и с точки зрения юснатурализма.

Тезисно рассмотрим оба варианта.

Если мы выбираем первое направление и последовательно используем позитивистскую интерпретацию поставленной проблемы, то мы должны будем считать правом любые позитивно существующие, принятые государственной властью юридические нормы. То есть, конкретные правовые нормы – это и есть *право* - независимо от их справедливости и отрицательных последствий практического применения. В жестких рамках юридико-позитивистского мышления не ставится вопрос о «нормальности» самих норм.

Значит, мы берем на себя обязательство анализировать право как фактическую данность, безоценочно, не называя его «правильным» или «неправильным», «нормальным» или «ненормальным».

Но тогда и правосознанием необходимо признать любую позитивно существующую систему представлений, взглядов, идей, убеждений, чувств, эмоций, настроений, психологических переживаний (в том числе и отрицательных) и т.д., складывающихся по поводу права. То есть конкретные правовые идеи и чувства – это и есть *правосознание* - независимо от их справедливости и отрицательных последствий практического применения.

Следовательно, мы должны анализировать правосознание так же, как и право - как фактическую данность, безоценочно, не называя его «правильным» или «неправильным», «нормальным» или «ненормальным».

Итак, если мы относимся к праву как к положительной реальности и воздерживаемся от спекулятивных разговоров о соответствии данной реальности нашим ожиданиям и представлениям, то логично было бы подобным же образом относиться и к правосознанию.

Другими словами, *если нет «ненормальных» правовых норм, то нет и «ненормального» правового сознания.*

В случае если мы выбираем второй вариант и последовательно размышляем над поставленной проблемой с позиций естественно-правовых, то *Правом* мы должны будем называть истинное начало, соответствующее подлинной сущности человека и общества, правдивое существо закона, стоящее над ним и несущее его естественную идею. То есть Право есть идеальный, надзаконный, сверхценный порядок.

Но тогда и *Правосознание* есть идейное и чувственное признание (осмысление и переживание) этой

С. 21

сверхценности Права, устремление к воплощению настоящей, не искаженной людьми *Правды* и как *Истины*, и как *Справедливости*. И значит, нигилизм по отношению к *неправдивости* (*несправедливости, неправоте - неправомерности*) норм позитивного права, не соответствующих идеалам Права, искажающих идею Права, ни в коем случае нельзя называть «правовым нигилизмом».

Отрицание ненормального права не служит показателем ненормальности правосознания. Скорее наоборот, свидетельствует о его нормальности.

Авторам, которые признают естественно-правовой статус Права и в то же время ссылаются на историческую подоплеку «правового нигилизма» в России, резонно было бы попытаться ответить на вопрос: когда это в России реально существовало позитивное право, действительно приближенное к Праву, а народ относился к нему нигилистически? Или, может быть, нигилистически наш народ относился (и относится) *к бесправию, а не к Праву?* Русское правосознание издревле, в лучших традициях (само о том не подозревая)

естественно-правового понимания «Закона» и «Благодати», различало Право, которое есть «от Бога», и право, которое есть «могила Правды».

Зададим вопрос, который обычно предпочитают не замечать при оценке массового сознания россиян: как могут одновременно сочетаться в качестве архетипических черт русского народа и, шире, культуры России, такие постоянные характеристики как «этикоцентризм» и «правонигилизм», «правдоискательство» и «правоотрицание»?

Все великие вопросы русской культуры так или иначе упираются в проблемы этики и признание ее приоритетности. Не удовлетворяясь «позитивным» даже если оно опирается на силу, русские ищут Правды. Ибо в ней мыслят Бога, а не в силе. Но, как уже давно замечено, само слово «правда», как и немалое множество других русских слов, имеющих корень «прав», родственно слову «право». И слово «справедливость» этимологически можно рассматривать как «права ведание», «знание правды».

А что такое естественное Право, как не практическое выражение Правды и торжество Справедливости в сфере права? И что тогда такое «правовой нигилизм»? - «Русские против Правды»?..

Если под правовым нигилизмом понимать отрицание права вообще и всех правовых ценностей совокупно, то, очевидно, такое качество вряд ли можно признать присущим отечественной общественной мысли и нации в целом.

Но если этот термин использовать для обозначения признания непреложности онтологического факта существования норм, приоритетных по отношению к нормам позитивного права, то вместе с русскими в нигилисты нужно записать и Христа со всеми Его апостолами, учившими, что Любовь выше любых человеческих предписаний, и вообще всех, кто согласится, что есть ценности более высокого порядка, чем принятые, например, нашей Государственной Думой законы.

Общеизвестно, что отрицание низшего во имя высшего есть необходимый элемент любого развития. Тем не менее, некоторыми теоретиками, вопреки законам диалектики, отрицательное отношение к

позитивным нормам во имя норм более высокого качества расценивается не как показатель способности восходящего развития на следующий - более высокий - уровень правосознания, а, наоборот, как свидетельство его недостаточной развитости.

По нашему мнению, *именно в проявлениях негативности к тем или иным актам социально-правового бытия - в осмыслении и переживании их как несправедливых, несправедливых, неправомерных - и выражает себя правовое сознание.*

Более того, в кризисных моментах истории, в ситуациях исторического выбора, массовое правосознание становится одним из доминантных факторов политического процесса, во многом определяющим победы и поражения конкурирующих политико-правовых альтернатив¹.

Удивительно, что при всех крайностях литературных оценок русского народа (то как «народа-Богоносца», то как «народа-зверя»), приписывание (сознательное или по недоразумению) нашему народу в качестве чуть ли не одной из самых его характерных и устойчивых характеристик так называемого «правового нигилизма» - это то «общее место», на котором зачастую сходятся в странном согласии многие разные во всех остальных отношениях авторы (западные и отечественные, левые и правые, русофобы и русофилы...).

Но является для всего русского народа и русской культуры характерным отрицание естественного Права как Правды и Справедливости? Парадокс:

С. 22

когда оценивают русскую культуру, то суждения составляют по вершинам культуры, по величинам, составляющим славу России, но когда дают

¹ См. подроб.: *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России: Монография. М., 2005. *Он же.* Имперская идея и массовое правовое и политическое сознание в России // Имперские предчувствия России. М., Волгоград, 2005; *Он же.* «Национальная Идея» и «национальное правосознание» в России: к вопросу о методологии и методике изучения и преподавания. // Национальное самосознание и развитие русского общества. М., 2005; *Он же.* Массовое правосознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России (на примере исторического выбора 1917 года) // Философия хозяйства. 2004. № 3; и др. работы автора.

характеристику общественному сознанию, то судят по представителям социального дна. Когда речь заходит о русской поэзии, то вспоминают Пушкина, а не рифмованную воровскую романтику черни из лагерной зоны или уличной подворотни. А когда говорят об отношении русских к праву, то по кому судят о целом народе?

Если же оценивать общественное правосознание в России не по блатным понятиям, а по достижениям правовой мысли российского общества, то нет причин не соглашаться с мнением тех специалистов, которые полагают, что «широта научных воззрений, оригинальность в трактовке проблем теории права в дореволюционной научной литературе России и сегодняшнее состояние отечественной научной мысли не дают оснований говорить об ущербности российского правосознания», и, напротив, дают достаточные основания возражать против «одного из культивируемых в отечественной литературе «мифов» о несформированности российского правосознания и якобы наиболее яркой характерной его черте, выражающейся в господстве идеи правового нигилизма»².

И еще один парадокс, без которого не обойтись при оценке научной обоснованности многочисленных утверждений о нигилизме как исторической константе массового правосознания россиян.

Как диктуют нам азы общей теории и истории государства и права, с первых шагов любой цивилизации право и государство развиваются в тесной взаимозависимости и взаимообусловленности. И из тех же источников следует, что в такой же необходимой и закономерной взаимосвязи находятся политическое и правовое сознание с политико-правовой реальностью.

Как, каким образом, народ, который создал самое или, как минимум, одно из самых больших и жизнеспособных *Государств* в истории человечества и распространил свои политические и правовые реалии на колоссальные территории, может именоваться правонигилистичным? Как можно упрекать в отрицании Права народ, который на протяжении своей истории неоднократно

2 См.: *Вопленко Н.Н.* Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. С. 16-17, 15

отстаивал свое *право* иметь великое государство, демонстрировал способность к мобилизации всех сил, готовность к подвигу и самопожертвованию во имя государства и *правого права*³, проявлял чудеса смирения и покорности перед *правлящей* властью (если в его глазах она *правила по праву*)?

Очевидно, что в таком контексте признание массового правосознания России правонигилистичным, по нашему мнению, не имеет достаточных оснований ни семантических, ни исторических, ни юридических, ни философских, и даже более того - оно противоречит и формальной логике, и здравому смыслу.

Как давно замечено классиками русской мысли, «правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким, последним корням; а эти корни имеют духовную природу»⁴. Корни эти в России и на Западе различны, но о «нормальности» или «ненормальности» правового сознания следует судить не по лекалу другой цивилизации.

Общественное правосознание в России отличается от западного, и этот социально-исторический факт не подвергается сомнению в рамках настоящей статьи.

Автор выражает несогласие с расхожим выводом об «отсталости» российского правосознания, и солидарность с теми из коллег, которые полагают, что «несмотря на свой абстрактный характер, общественное правосознание всегда «заземлено» и генетически привязано к национально-историческим особенностям культуры, религии и социальной структуры конкретного государства и общества. И это позволяет нам говорить о российском правосознании, американском, немецком и т. д. И следовательно, каждый государственно-организованный народ имеет свое социально неповторимое общественное правосознание», а «вопрос о том, что лучше: формально-юридическое, нормативистское и индивидуалистическое право - плоть от плоти западноевропейского культурно-исторического типа - или наше,

³ Выражение «*правое право*» (которое и служит ориентиром для здорового правосознания) активно использует, в частности, И.А. Ильин. (См., напр.: *Ильин И.А. О сущности правосознания*. М., 1993. С. 21).

⁴ Там же. С. 133.

как называл его Н.Н. Алексеев, «субъективное право», основанное на судейском (чисто соборном) усмотрении, на совести и на Боге, — это вопрос скорее не теоретический, а аксиологический, — вопрос цивилизационной идентичности»⁵.

П.П. МАРЧЕНЯ,
кандидат исторических наук, доцент

⁵ См.: *Вопленко Н.Н.* Указ. соч. С. 15; *Даниелян К.Р.* Традиция и правосознание (Историко-политологический аспект проблемы). М., 1999. С. 91-92.